

Дидов Павел Валерьевич

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС ПРАВОСЛАВНОГО ВОИНА

Современная политическая обстановка наполнена военными тревогами и слухами, и в этой связи познание православного воинского этоса, выручавшего Россию в сражениях прошлого, сегодня, как и прежде, остается актуальным. На основании исторических и религиозных источников в данной статье осуществляется попытка классификации морального кодекса воина в православной традиции. Выявлено как сходство с общевоевскими нравственно-ценностными константами, так и специфика констант в православной интерпретации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 70-75. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hists@gramota.net

10. Дианов А. Г. Сибирская школа на начальном этапе нэпа (по материалам Сибирской рабоче-крестьянской инспекции) // Омский научный вестник. 2009. № 4 (79). С. 9-13.
11. Исторический государственный архив Омской области (ИГАОО). Ф. Р-460. Оп. 1.
12. Слезин А. А. Государственная функция политического контроля: особенности правоприменительной практики // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2007. Т. 13. № 3. С. 821-825.
13. Томский областной центр документации новейшей истории (ТОЦДНИ). Ф. П-81. Оп. 4.
14. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. Р-103. Оп. 1.

ACTIVITY OF ALTAI WORKERS-AND-PEASANTS' INSPECTION IN SPHERE OF EDUCATION AND TRAINING IN THE FIRST HALF OF THE 20S OF THE XX CENTURY

Dianov Aleksei Grigor'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Siberian Automobile and Highway Academy
dianov_60@mail.ru

The article basing on the documents of the Siberian Workers-and-Peasants' Inspection analyzes the main trends in the sphere of education and training in Altai province during the first half of the 1920s. The course and results of the audit survey of schools, orphanages, political-educational institutions, and secondary vocational schools are considered. Studying changes in the sphere of education and training during the transition to New Economic Policy, the author comes to the conclusion about the worsening of the situation in this sphere in connection with its transfer to the local budget.

Key words and phrases: Siberia; Workers-and-Peasants' Inspection; enlightenment; education; tuition fees; provincial budget; audits.

УДК 172.4

Философские науки

Современная политическая обстановка наполнена военными тревогами и слухами, и в этой связи познание православного воинского этоса, выручавшего Россию в сражениях прошлого, сегодня, как и прежде, остается актуальным. На основании исторических и религиозных источников в данной статье осуществляется попытка классификации морального кодекса воина в православной традиции. Выявлено как сходство с общевоевскими нравственно-ценностными константами, так и специфика констант в православной интерпретации.

Ключевые слова и фразы: воинский этос; качества; ценности; православная этика; мужество и кротость; гуманность.

Дидов Павел Валерьевич

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
varang81@yandex.ru

МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС ПРАВОСЛАВНОГО ВОИНА[©]

Можно обоснованно утверждать, что за время существования православной традиции в мировой истории и культуре сложился специфически православный воинский этос, своеобразный моральный кодекс, включающий в себя уникальные черты, пусть не оформленный юридически и во всей полноте, но – кодекс, которого так или иначе старались придерживаться воины православного вероисповедания. К пониманию содержания данного морального кодекса приближает осознание того факта, что комплекс нравственно-ценностных констант воинского этоса в православной традиции возникает на основании общих философско-этических принципов воинского этоса. Православный воинский этос вырастает на этом основании, переформируя его в специфической религиозной интерпретации.

Христианская этика вообще сосредоточена вокруг религиозной оси, и ее центральные добродетели именно богословские. Вместе с тем из трудов отцов Церкви, таких как Василий Великий и Иоанн Златоуст, ясно, что богословские добродетели не отрицают, а укрепляют и развивают в нужном для совершенствования веры направлении естественные нравственные добродетели. Нравственно все, что соответствует душеполезности, – смирение, благочестие, сознание греховности, подавление чувственности (пост и воздержание), размышления о премудрости Бога. Также, например, и защита близких от нападения агрессоров для православного христианина естественным образом выступает и как нравственная потребность, и как моральная обязанность.

Воинское служение и духовная жизнь в православной традиции – зачастую вовсе неразделимы. Православные армии знают множество примеров воинов, причисленных к лику святых, а в русском войсках количество святых достигло, можно сказать, рекордной отметки – всего около 130. Георгий Победоносец, Димитрий Солунский, Александр Невский, Феофор Ушаков – это только самые популярные имена, которые у всех на слуху. Наряду с ними существуют также менее известные святые императоры и князья,

которые по определению были военными полководцами, а также множество рядовых воинов. По утверждению Ю. А. Кулаковского, ко времени императора Юстиниана, т.е. к VI в., отношение власти к армии **окончательно определилось как к орудию для достижения практических целей наместника Христова на земле**, каковым считался император [11, с. 237].

О верности боевому знамени и войсковом товариществе. Култ знамен из языческих времен перешел в христианскую армию, в которой на знаменах всегда помещались графические символы христианской религии или иконы. Лики святых и православная символика осеняли боевые знамена православных воинств во всех сражениях, начиная с раннего средневековья, олицетворяя собой ее силу и идеологию. Это делалось для культивирования сплоченности и чувства товарищества. Культивирование корпоративно-общинного, товарищеского духа важно для любой военной структуры, и здесь идеальным является как раз создание культа знамени. Ведь знамена формируют у солдат части, которой они принадлежат, чувство идентичности, т.е. воинского братства. Знамена являются символами героизма и доблести. Знамя напоминает воину о долге, чести, о святости уз товарищества. В царском полевом уставе Петра I знамя приравнялось к священной хоругви [22, с. 396]. До последнего, исторически недавнего времени девизы наградных воинских орденов в русской императорской армии, учрежденных в честь святых, гласили: «За веру, царя и закон» или «За веру и верность» [2, с. 332]. Т. Н. Шевяков отмечает, что при встрече со знаменем какого-либо полка многие православные снимают шапки и осеняют себя крестным знаменем вплоть до XX века [29, с. 4].

О верности присяге. Рассмотрим пример Фиванского легиона. В последней четверти III в. этот легион полностью состоял из египетских христиан. За отказ принести после победы над повстанцами в Галлии жертвоприношение идолам, когда также предлагалось принести в жертву захваченных христиан, легион был приговорен к децимации. Децимация – это когда каждого десятого воина легиона казнят за некую провинность на поле боя. В Фиванском легионе за отказ подчиниться приносить жертвы идолам путем многократной децимации были умерщвлены порядка шести с половиной тысяч воинов – весь легион во главе с командиром. Предание сохранило ответ командира легиона св. Маврикия императору Максимиану, в котором объясняется причина неповиновения: «Император, мы – твои солдаты, но также и солдаты истинного Бога. Мы несем тебе военную службу и повиновение, но мы не можем отказываться от Того, кто наш Создатель и Властитель, даже при том, что ты отвергаешь Его. Во всем, что не противоречит Его закону, мы с величайшей охотой повинемся тебе, как мы это делали до настоящего времени. Мы с готовностью выступаем против своих врагов, кем бы они ни были, но мы не можем обагрять наши руки кровью невинных людей (христиан). **Мы приняли присягу Богу прежде, чем мы приняли присягу тебе.** Ты не сможешь придать никакого доверия нашей второй присяге, если мы нарушим другую, первую. Вы приказали нам казнить христиан – смотрите, мы – такие же. Мы признаем Бога Отца, Создателя всего сущего, и Его Сына, Господа и Бога Иисуса Христа. Мы видели наших товарищей, усеченных мечом, мы не оплакиваем их, а, скорее, радуемся их чести. Ни это, ни любое другое происшествие не соблазнили нас восстать. В наших руках оружие, но мы не сопротивляемся, потому что мы предпочли бы умереть невинными, чем жить во грехе» [4].

О презрении к трусости, мужеству, храбрости и кротости. Главной задачей Церкви во время войны, по сути, было внушение воинам безбоязненного отношения к смерти. Хотя смерть на поле брани признается пропуском в рай, в обычной жизни воин должен заботиться о добропорядочном поведении и спасении своей души, потому что обремененному пороками даже героическая смерть на поле боя не поможет избежать вечных мук ада. **Особо опасными пороками для воинской профессии признаются такие, как клевета, злословие, воровство, трусость, приверженность к азартным играм, пьянство и распутство.** Согласно «Сборнику кратких христианских поучений к воинам», составленному прот. Г. И. Мансветовым накануне Отечественной войны 1812 г., **самые страшные военные преступления: нарушение присяги, дезертирство и сдача в плен с выдачей неприятелю известных воину секретов** [13, с. 54].

По утверждению Ч. Омана, **поражения византийской армии носили случайный характер, в то время как успехи были обычным делом.** Причины выдающейся боеспособности византийской армии не трудно обнаружить. **В мужестве воины не уступали противнику, а в дисциплине, организации и вооружении далеко превосходили.** И прежде всего они обладали не только традициями римской стратегии, но и полностью владели тактическими средствами, обстоятельно выработанными в соответствии с потребностями времени [18, с. 52].

Особой чертой русского бойца, в менталитете которого глубоко запечатлен православный воинский этос, является никем не превзойденная способность к рукопашному бою. Русского штыкового удара не выдерживала ни одна вражеская армия. Флот Петра I начинал свое триумфальное шествие на Балтике с абордажных штурмов шведских кораблей.

Возможно ли воевать не впадая в крайности, в жажду кровопролития? Это трудно, но возможно. Православные воины прошлого, а также известные борцы-спортсмены православного исповедания нашего времени, такие как, например, чемпионы Александр Карелин и Федор Емельяненко, **показывают пример личной кротости и безгневия наряду с несомненной способностью побеждать** даже физически превосходящего врага.

В другом исторически православном государстве, Сербии, в середине XX в., такой церковный авторитет, как Николай Сербский (Велимирович), учит: «Имели мы школу без веры, политику без чести, войско без родолюбия, государство без Божиего благословения. Из-за этого пропадают у нас и школа, и политика, и войско, и государство» [24, с. 3]. Жизнь сербского верующего крестьянина представляет собою, по слову Николая Сербского, **во-первых, крестоносный героизм, во-вторых, мученическое священство и, в-третьих, рыбацкую апостольскую мудрость. Христос открыл простым крестьянам мужскую храбрость, небесную**

святость и божественную мудрость. Чего могут ожидать враги Истины, кроме наказания Божьего: **«Вы напали на Истину, и Истина отомстит за Себя и за своих... И вам не поможет ни ваша физическая сила, ни культура, ни полная телега знаний о вещах, но без понимания истины. Вы обманули сами себя и вас обманули. Обманули вас те, которые представили вам Христа как слабака и слюнтяя... Он угрожает карой за неверность в любви и презрение к милости. Он есть огонь, который греет, но может и сжечь»** [23, с. 137].

Итак, очень **обманываются те, которые представляют Иисуса Христа как «слабака и слюнтяя»**. Поэтому на первый взгляд удивляет и озадачивает высказывание того же Николая Сербского, посвященное русскому народу: **«Посмотрите на землю Русскую. Это самая обширная из всех стран мира. И это страна кроткого народа. Самыми обширными землями в нашем веке обладает самый кроткий народ мира**. Вот вам очевидное доказательство истинности слова Христа: благо кротким, ибо они унаследуют землю. Воистину, не нужны вам доказательства яснее и реальнее, чем Православная Русь и православный русский народ. Бесчисленные грабители и насильники владели этими пространными землями, которые ныне унаследовали кроткие русские» [24, с. 29]. Но нам-то, земным людям, более очевидно то, что именно силой оружия удерживались старые и приобретались новые земли России. Вряд ли грабители и насильники покорились бы словам без дел. Значит, по здравой мысли святых, **ревностная вера в Бога сочетает в себе и человеколюбивую кротость, и боевой дух**.

О гуманном отношении к поверженному противнику. Отдельного внимания заслуживает проблема отношения к военнопленным. Христианская религия наложила свой отпечаток на эту сторону воинского этикета. Обычно войны сопровождаются издевательствами не только над военнопленными, но и над мирными жителями, некомбатантами. По замечанию Ш. Макглинна, чрезмерная жестокость в средневековых войнах, несмотря на влияние религии милосердия и самопожертвования, все же имела широкое распространение [12, с. 173]. Тем не менее, можно отметить, что византийская армия имела установку на милосердность. Когда, например, историки сообщают, что иногда своих противников византийцы жестоко увечили, ослепляли, то надо учитывать, что по тем временам это расценивалось как жест милосердия, т.е. милостивая замена смертной казни. В отношениях с мирным гражданским населением византийским воинам, по указанию Ф. Осареса, строго запрещались злоупотребления и насилие [19, с. 61].

В Российской империи стал известен исключительный пример христианского отношения к военнопленным, не имеющий аналогов в мировой военной истории. В конце XVIII в., при взятии считавшейся неприступной средиземноморской крепости на о. Корфу флотом адмирала Федора Ушакова, после трудно доставшейся победы **пленных французов по его приказу выкупают или даже защищают силой оружия от союзных турецких головорезов. При этом милосердие к пленным входило в конфликт с интересами государственной власти**, которая слала великому адмиралу из Петербурга депешу, что не надо заступаться за французских пленников. Пусть французы и турки раздражат друг друга, отвлекая свою воинственность от России друг на друга. Тем более что нет возможности обременяться заботой о пленниках вдали от России [25, с. 26]. Этот случай особенно удивительный, если вспомнить, как поступили в аналогичной ситуации другие великие полководцы той эпохи – Наполеон и адмирал Нельсон. Наполеон при завоевании Египта дал обещание мамелюкам, что если те сдадутся в плен, то будут помилованы. А потом всех их истребил, оправдываясь невозможностью лишних трат на содержание пленников. Адмирал Нельсон помогал восстанавливать монархию в Неаполе. При взятии мятежных неапольских войск в плен дал обещание офицера, что те будут помилованы. И, разумеется, нарушил. Вероятно, таким образом полководцы Запада расширенно толковали традиционное понимание войны как пути обмана. Но **нельзя злоупотреблять обманом и ожидать, что это не повлияет на моральное разложение и упадок боевого духа войск**. Если сравнить две военные речи Наполеона, относящиеся ко времени Итальянского похода 1796 г. и ко времени похода в Россию 1812 г., то можно заметить следующую разницу. В Италии половина речи посвящена разъяснению недопустимости грабежей и насилия по отношению к мирному населению. А в России Наполеон, напротив, поощряет своих воинов к грабежу. По мнению С. Э. Зверева, эта практика двойных стандартов и жестокость были едва ли не самой главной ошибкой Наполеона, повлекшей за собой его поражение от России [5, с. 138].

Вместе с тем следовало бы признать, что благородные действия адмирала Ушакова носили характер примерный, показательный, но не повсеместный для русских войск, хотя и отражали их. **Отношение к пленным на войне и мирному населению противника является показателем этического уровня армии на войне**. Как давняя традиция, честь российского солдата неотделима от его благородства по отношению к окружающим, в том числе к поверженному противнику и населению побежденных стран. **«Обывателя не обижай! Он тебя поит и кормит. Солдат – не разбойник»** [26, с. 33], – неоднократно подчеркивал Суворов. Российский солдат никогда не позволял себе тех бесчинств, актов вандализма и зверств, которые чинили на оккупированной территории хваленые солдаты Наполеона или немецко-фашистские варвары.

О боевом мастерстве, самопожертвовании и взаимовыручке. Как свидетельствует военный историк Ч. Оман, жизнью воина в византийской армии дорожили, полагая вознаграждение за каждого спасенного раненого, вынесенного с поля боя [18, с. 69]. Византийцы, обладая в высшей степени самым профессиональным войском своего времени и обладая в целом всеми воинскими добродетелями, всячески избегали прямого столкновения, прибегая к военным хитростям и полагаясь на боевое мастерство, но не на грубую силу и численный перевес. Дорожили жизнью солдата и Пётр Великий, и Александр Суворов, полководцы, которые наряду с желанием сберечь солдатскую жизнь пропагандировали боевое мастерство. Но вместе с тем исторически так сложилось, что для русского воинства стал характерен пафос героической смерти.

Самопожертвование является воинской ценностью, имеющей самостоятельное значение, а не просто вынужденной необходимостью в связи с недостатком мастерства. И для профессионала, если он не беспринципный наемник, а пламенный герой-патриот, самопожертвование является существенной чертой воинского этоса, особенно в православной традиции. В случае недостатка готовности к самопожертвованию, как показывает история, не спасет никакой профессионализм.

Для русского солдата готовность к самопожертвованию ради спасения товарищей и успеха в сражении – традиционна. При этом высшее выражение получил принцип взаимной поддержки. Выдать «своих», не поддерживать их в опасности хотя бы ценой собственной жизни для русского солдата было не только великим позором, но и органической невозможностью. Известный всему миру врач С. П. Боткин, знавший наших воинов не по парадом и театрам, а по полемому госпиталю, среди ран, стонов и бинтов, написал в августе 1877 г.: «Солдаты наши, офицеры – святые люди» [16, с. 131].

О любви к Отечеству. Византийский патриотизм как патриотизм православного народа, обладающего древней цивилизационной традицией, был облегчен от гнета этноцентрического шовинизма. Сочинения византийских авторов говорят о наличии живого любопытства по отношению к культуре и жизни иноземных народов, не сводящегося к разведывательным сведениям об их правлении и военных качествах: раннюю историю и культуру многих наций, включая болгар, хорватов, чехов или моравов, венгров и сербов, можно реконструировать только по византийским текстам.

В выдающемся литературном памятнике XVII в. «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», созданном одним из его участников есаулом Федором Ивановичем Порошиным, описывается эпизод, где казаки, идя в последний бой, прощаются: «Не бывать уж нам на Святой Руси: смерть наша грешная в пустынях за наши иконы чудотворные, за веру христианскую, за имя государево». Завершается же «Повесть» словами: «Была казакам слава вечная, а туркам укоризна вечная» [Там же, с. 166].

История русского военного искусства учит нас, что **в основе героизма лежит патриотизм**. В нашем Отечестве воины издревле пользовались неизменной любовью народа, а трудная и опасная профессия Родину защищать всегда считалась одной из самых благородных. Такое отношение к ратному труду в народной среде воспитало у русских воинов качества, которые постоянно отмечали не только союзники, но и враги России. Это **несгибаемая воля к победе, стойкость в обороне, решительность в наступлении, безавестное мужество и храбрость, личная инициатива, массовый героизм, крепкое войсковое братство и взаимовыручка**. Все те качества, которые нужны христианскому мученику и исповеднику, чтобы отстоять свою веру перед палачами и захватчиками. Сами понятия «Отечество» и «Отечественная война» в первоначальном сакральном смысле означали не что иное, как Святую Русь и православную войну [13, с. 34].

Об интернационализме и веротерпимости. В обычной профессиональной армии, как правило, отсутствует единство религии. Вместо этого там сосуществуют самые различные верования. При разнообразии верований очень важно найти для воинов какое-то объединяющее начало. Как отмечает Дж. Уотсон, в римской армии для сплочения солдат был создан армейский календарь праздников. В римской, а затем **в византийской армии полностью поддерживали доминирующую в государстве религию** [27, с. 150].

Вместе с тем на протяжении многих столетий можно проследить, что в среде православных воинов **неукоснительно сохранялся принцип веротерпимости**. Так, на Урале в XVIII в. если казаками желали стать пленные, они обязаны были креститься, но если татары, башкиры, калмыки переходили к казакам добровольно, они могли оставаться в своей вере. В Забайкальское Войско, как известно, вошли целыми полками язычники-эвенки и буддисты-буряты. Были даже ламы-казаки – установился порядок, что на время сборов их отпускали из дацанов, а потом они возвращались к монашеской жизни. На Тереке в Бороздинской были поселены казанские татары и тавлинцы, сохранившие мусульманскую веру. Мусульмане-башкиры вошли в Оренбургское и Уральское Войска, буддисты-калмыки – в Астраханское, Донское, Уральское.

В. Е. Шамбаров пишет, что никогда казаки не вели дискуссий о «точках соприкосновения» религий, о возможностях их «сближения». **Уважали чужие традиции, но и свои блюли. У них – свое, у православных воинов – свое, а государство-то общее**, поэтому и общей службе разница верований не мешает [28, с. 428]. В вооруженных силах Российской империи православное военное духовенство возглавлял военный и морской пресвитер, а в иноверческих частях мусульман и буддистов главами были – мулла и лама.

О воспитательной роли военного духовенства. Без преувеличения можно сказать, что религия определяла военную жизнь в Византии. Знамена освящались. Солдаты молились утром и вечером и особенно в утро перед битвой. В момент начала сражения один человек кричал: «помоги!». И все отвечали хором: «Боже!». Другие варианты боевых восклицаний, данных армейскими священниками: «С нами Бог!» или «Крест побеждает!» [20, с. 120]. Конечно, офицеры были первыми исполнителями культа в византийской армии. Стратиг должен был быть набожным. В глазах солдата командир уподоблялся священнику. Войсковые священники существовали в помощь командиру, благословляя воинов накануне битвы [19, с. 83].

Офицерский корпус русской армии, так же как и византийской, будучи подверженным влиянию Православной Церкви, использовал ее нравственную силу для внутренней мобилизации, обучения и воспитания нижних чинов. В армии и во флоте и во всех структурах, связанных с ними, **не было места, где бы не чувствовалось влияния священнослужителей** [14, с. 399]. Духовенство осуществляло богослужение, а в проповедях беседовало с солдатами на нравственно-духовные темы. В случае тяжелого ранения священники давали утешение или последнее напутствие для умирающих, чтобы легче было умирать, исполнив воинский долг [2, с. 314].

О православных воинских традициях сегодня можно составить мнение, прежде всего, по историческим свидетельствам, относящимся к реальным действиям православных воинств Византии, России и других исторически

православных государств, а также по высказываниям отцов Церкви о поведении воинов в мирное время и на поле брани. Согласно этим свидетельствам, специфические константы христианской этики православной традиции при наложении на общевоинские константы в сумме складываются в следующую нравственно-ценностную **картину морального кодекса православных воинов**: верность боевому знамени – присяга на верность; патриотизм – любовь к Отечеству; требование дисциплины; память о подвигах предков [Там же, с. 291]; долг; мужество; неприхотливость; готовность к самопожертвованию; презрение к трусости; храбрость; признание храбрости и мужества во время боя за противником; гуманное отношение к пленным и мирному населению побежденных стран; воинскую должность нужно исполнять без ожесточения; пораженному противнику следует давать пощаду; грабеж и мародерство недопустимы; к иноверческим храмам противника нужно относиться с уважением, чтобы не вызвать ответного ожесточения [13, с. 54]; чувство воинской чести и чести мундира; вера в своего командира; близость командиров к рядовому составу; воспитание рядовых личным примером командиров; отеческая забота командиров о личном составе; принцип «один за всех, все за одного»; войсковое товарищество; интернационализм; внепартийность – приверженность монарху [14, с. 447].

Если рассмотреть эти воинские ценности применительно к ситуациям, в которых они проявляются, можно получить более подробную, схематическую картину:

– **по отношению воина к своему ремеслу и себе в нем** – чувство воинской чести и чести мундира; неприхотливость; готовность к самопожертвованию; внепартийность – приверженность монарху; требование дисциплины; память о подвигах предков; презрение к трусости;

– **отношение к своим однополчанам** (равным по званию, подчиненным и командирам) **и соотечественникам** – верность боевому знамени – присяга на верность; патриотизм – любовь к Отечеству; долг; принцип «один за всех, все за одного»; войсковое товарищество; интернационализм; вера в своего командира; близость командиров к рядовому составу; воспитание рядовых личным примером командиров; отеческая забота командиров о личном составе;

– **отношение к возможному или реальному неприятелю** – мужество; храбрость; признание храбрости и мужества во время боя за противником; гуманное отношение к пленным и мирному населению побежденных стран; воинскую должность нужно исполнять без ожесточения; пораженному, тем более сдающемуся противнику следует давать пощаду; грабеж и мародерство недопустимы; к иноверческим храмам противника нужно относиться с уважением.

При внимательном рассмотрении оказывается, пожалуй, что самая **значимая, видимая невооруженным глазом надстройка к общевоинскому этосу благодаря влиянию православной воинской традиции произошла в плане утверждения гуманного отношения к поверженному противнику и в прославлении воинской кротости**. Именно эти два пункта следует обозначить как сущностно православные нравственно-ценностные константы воинского этоса, которые связаны своими корнями с богословской традицией православия. На характер воинского этоса православной традиции влияет учение о том, что люди только начинают войны, а заканчивает их Бог, который помогает правому делу. Поэтому нельзя приписывать победу только своему мужеству, а неудачи на поле брани – ошибкам военачальника. В этом источник воинской кротости. И вместе с тем, согласно принципам православной традиции **дурные средства не могут оправдать благой цели, а подвигом считается страдание и гибель за ближних**. В этом залог гуманного отношения к поверженному противнику.

Список литературы

1. **Архимандрит Тихон (Шевкунов)**. «Несвятые святые» и другие рассказы. Изд-е 2-е, испр. М.: Изд-во Сретенского монастыря; ОЛМА Медиа Групп, 2011. 640 с.
2. **Беловинский Л. В.** С русским воином через века. М.: Печатные Традиции, 2009. 352 с.
3. **Военные традиции России: история, психология, культура**: мат-лы междунар. науч. конф., 21-22 дек. 2000 г., Санкт-Петербург. СПб.: Нестор, 2000. 130 с.
4. **Древо**: открытая православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://drevo-info.ru/articles/3347.html> (дата обращения: 23.07.2014).
5. **Зверев С. Э.** Речевое воспитание военнослужащих. СПб.: Алетейя, 2013. 408 с.
6. **Зимбули А. Е.** Агрессия: человеческая природа или смертный грех? // Образование и насилие: сб. ст. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 116-122.
7. **Зимбули А. Е.** Лекции по этике: учеб. пособие. СПб.: Пневма, 2011. Вып. 3. 239 с.
8. **Иванов В. Г.** История этики средних веков. СПб.: Лань, 2002. 464 с.
9. **Катехизис для воинов святителя Филарета Московского** [Электронный ресурс]. URL: <http://agrapustin.narod.ru/katehises.html> (дата обращения: 23.07.2014).
10. **Князья Пожарские и Нижегородское ополчение. Род князей Пожарских от Рюрика до наших дней** / авт.-сост. А. Соколов, протоиер. Н. Новгород – Саранск, 2005. 176 с.
11. **Кулаковский Ю. А.** История Византии. 518-602 гг. СПб.: Алетейя, 2003. Т. 2. 400 с.
12. **Макглинн Ш.** Узаконенная жестокость: правда о средневековой войне. Смоленск: Русич, 2011. 448 с.
13. **Мельникова Л. В.** Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. 416 с.
14. **Морихин В. Е.** Традиции офицерского корпуса русской армии: научно-историческое исследование. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Кучково поле, 2010. 624 с.
15. **Мудрое слово Древней Руси (XI-XVII вв.)**: сб. М.: Сов. Россия, 1989. 464 с.
16. **На службе Отечеству: об истории Российского государства и его вооруженных силах, традициях, морально-психологических и правовых основах военной службы**. М.: Издательство Русь РКБ, 1998. 254 с.

17. **Небесные покровители земного воинства:** сб. / сост. Е. Игонина. М.: Слово и дело, 2011. 125 с.
18. **Оман Ч.** Военное искусство в Средние века / пер. с англ. В. П. Михайлова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2011. 191 с.
19. **Осарес Ф.** Византийская армия в конце VI в. (по «Стратегикону» императора Маврикия) / пер. с франц. А. В. Банникова; отв. ред. М. М. Холод. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 142 с.
20. **Райс Тамара Т.** Византия. Быт, религия, культура. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 255 с.
21. **Ратников Н., Розина О.** Святые воины Руси // Семья России. 2009. № 1 (4). С. 26-29.
22. **Раш Кавад.** Время офицеров. Письма к русскому офицеру: избр. Изд-е 2-е. СПб.: Издатель Голубев В. П., 2012. 736 с.
23. **Святитель Николай Сербский (Велимирович).** Земля недостижимая. М.: Покров, 2003. 144 с.
24. **Святитель Николай Сербский (Велимирович).** Из окна темницы. Мн.: Свято-Елисаветинский монастырь, 2005. 432 с.
25. **Святой праведный воин Феодор (Ф. Ф. Ушаков, адмирал флота Российского).** Киев: Общество любителей православной литературы; Издательство имени святителя Льва, папы Римского, 2009. 64 с.
26. **Суворов А. В.** Наука побеждать. М.: РИМИС, 2009. 80 с.
27. **Уотсон Джордж.** Римский воин. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 189 с.
28. **Шамбаров В. Е.** Казачество: путь воинов Христовых. М.: Алгоритм, 2009. 688 с.
29. **Шевяков Т. Н.** Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX в. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2002. 48 с.

MORAL CODE OF ORTHODOX SOLDIER

Didov Pavel Valer'evich

*Herzen State Pedagogical University of Russia
varang81@yandex.ru*

The current political background is filled with military concerns and rumours, and therefore the cognition of the orthodox soldier's ethos, which rescued Russia in the battles of the past, today, as before, is still topical. On the basis of historical and religious sources in this article the attempt of the classification of the moral code of the soldier in Orthodox tradition is made. Both similarity with general military moral and value constants and the specificity of constants in Orthodox interpretation are identified.

Key words and phrases: soldier's ethos; qualities; values; Orthodox ethics; courage and humility; humanity.

УДК 34

Юридические науки

В статье раскрывается нормотворческая деятельность Российской Федерации, направленная на урегулирование образовательного ценза иностранных граждан, прибывающих в страну с целью осуществления трудовой деятельности и получения гражданства. Автором обозначены существовавшие острые проблемы правового обеспечения лингводидактического тестирования по русскому языку как иностранному, текущее состояние и перспективы развития нормативного регулирования различных образовательных процедур в РФ в условиях возрастающего миграционного потока.

Ключевые слова и фразы: миграция; лингводидактическое тестирование; интеграционный экзамен; иностранные работники; иностранные граждане, претендующие на гражданство; адаптация и интеграция иностранных граждан.

Должикова Анжела Викторовна, к. хим. н.
*Российский университет дружбы народов
dolzhikovado@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИОННОГО ЭКЗАМЕНА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РФ[©]

*Публикация подготовлена в рамках государственного задания РУДН
№ 100513-1-074 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.*

За последнее десятилетие Россия превратилась в миграционно привлекательную страну. Поток мигрантов увеличился в десятки раз. По данным ФМС, в России в 2013 г. гражданство РФ получили 135 788 чел., вид на жительство и разрешение на временное проживание получили 350 093 чел., разрешений на работу выдано 1 273 984 чел. [18]. Это поставило Россию в один ряд с крупными миграционно-привлекательными странами и потребовало серьезного нормативно-правового обеспечения различных аспектов жизни мигрантов в РФ.

Нормативно-правовое регулирование вопросов образовательного ценза иностранных граждан характеризуется рядом специфических особенностей. Прежде чем рассмотреть их, необходимо выделить основные категории иностранных граждан, проходящих сегодня лингводидактическое тестирование по русскому языку как иностранному (РКИ) (Таблица 1).